

переселенческом пункте, так как летом ежедневно приходило по 2–10 тыс. человек¹⁵. Нередки были случаи, когда семейные переселенцы брали свидетельства ходоков и везли остальных членов семьи по «дорогому тарифу». В числе прибывших в первом полугодии 1907 г. в Томскую губ., таких было 30%¹⁶. Таким образом, численность прямых переселенцев, фактически прибывших в Сибирь, должна быть скорректирована в сторону увеличения, а выехавших обратно – уменьшена.

Проанализируем данные, представленные в таблице 1. Значительный подъем среди обратных переселенцев приходится на 1910–1911 гг., затем наступает резкий спад, продолжавшийся практически до начала Первой мировой войны. Это сокращение обратного переселения после 1911 г. очевидно: в 1911 г. обратных переселенцев было 61.3%, 1912 г. – 28.5, 1913 г. – 18.9, а в 1914 г. – всего 11.4%. Если принять в качестве главного индикатора не проценты, а абсолютные показатели, та же тенденция будет видна еще более отчетливо. В 1911 г. численность возвращающихся из Сибири крестьян составила 116 308 душ мужского пола, уже в 1912 г. это число сократилось более чем вдвое и достигло 57 319 душ. В 1913–1914 гг. произошло дальнейшее сокращение сначала до 45 478 душ мужского пола, затем до 27 594. Эти показатели уже вполне сопоставимы с показателями 1907–1908 гг.

Наличие такого спада позволяет утверждать, что увеличение обратных переселенцев в 1909–1911 гг. – не тенденция, а временное, преходящее явление. Между тем многие исследователи 1950–1980-х гг. проигнорировали этот факт. Например, в фундаментальном труде Горюшкина отмечена только тенденция роста обратных переселенцев в 1909–1911 гг. с 13 до 60%. Далее следует вывод, что «переселенческая политика самодержавия зашла в тупик»¹⁷. Использование абсолютных, а не относительных показателей вообще создает совершенно иное восприятие обратного движения. В 1910 г. число возвращающихся составило 114 893, а в 1911 г. – 116 308 человек. Как видим, фактическое увеличение составило всего около 1.5 тыс. человек, хотя в процентах увеличение выглядит весьма внушительно – с 36.3 до 61.3%.

Абсолютное большинство обратных переселенцев давали так называемые самовольные переселенцы, которые приехали в Сибирь на свой страх и риск, без оформления официальных документов и предварительного зачисления за собой земли. Значительная часть таких переселенцев ехала в Сибирь наудачу, под влиянием слухов о «сказочном» богатстве сибирского региона или о плодородии алтайских черноземов. Факт возвращения именно самовольных переселенцев отметил еще Столыпин¹⁸. В сметных предположениях на 1912 г. по Томскому району также отмечалось, что самовольные переселенцы дают главный контингент возвращающихся¹⁹. Например, в 1910 г. из 6 324 вернувшихся на родину из Томского района семей таких было 5 006²⁰. Из числа обратных семейных переселенцев в 1908 г., возвращавшихся из Алтайского округа, проходные свидетельства имели 2 843, а 5 089 душ переселялись самовольно²¹. Для них переселение в Сибирь имело оттенок авантюры.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, процент водворенных переселенцев, покидавших свои наделы с целью обратного переселения, был относительно невелик. Из общего числа водворенных в 1911 г. 226 257 душ покинуло свои участки с целью возвращения на родину только 20 656²², что составляет менее 10%. Из числа опрошенных в 1911 г. 1 383 переселенческих хозяйств Каргатской волости заявили о желании покинуть свои участки 50 домохозяев, причем почти половина опрошенных (23) хотели перейти на другие участки, а остальные хотели бы вернуться на родину²³, что составляет около 1.95%. По данным С.М. Сидельникова, в 1911–1915 гг., в среднем по четырем сибирским губерниям свои наделы покинули 10.5% переселенцев, в Акмолинской области – 12.9%, а в целом по Азиатской России – 11.1%²⁴. Причем в это число вошли не только те, кто хотел уехать обратно, но и те, кто хотел переводвориться в других местностях или даже в других губерниях.

В контексте анализа обратных переселений нельзя обойти стороной выяснение причин возвращения крестьян из Сибири. Островский в числе главных причин назвал направление переселенцев в районы, в которых сельскохозяйственные условия резко